

Киевский поэт, фотограф и музыкант. Пишу стихи с 15 лет. В литературных союзах и других поэтических группировках не состою. Поэзия может поведать обо мне значительно больше, чем эта краткая биография. Всё в стихах.

Я ПОМНЮ ВСЁ

«...Много горя, много горя, горе без конца...»

А. Ахматова

Я помню хорошо твоё лицо,
мой дом, где мы не очень уживались,
как маленькие платя ушивались,
как ты копил на первое кольцо.

Мы ходили на карандаши,
лежащие бок о бок в тесной пачке.
На дом с прудом, и на крутые тачки
нам не хватало, сколько не паши.

Я помню всё: как ты раскрытый спал,
разгул твоих ночных бескрылых оргий,
пускай хранит тебя святой Георгий
от памяти, которая, как спам

летит и забивает до краёв
не вычищенный ящик мой почтовый.
Так хочется на миг забыться, чтобы
приречный наш, раёшный наш район

вернул никем не вскрытое письмо,
нас, любящих, в полуторном конверте.
Я помню всё. Так звёзды после смерти
горят и ждут, авось пройдёт само.

НАГОТА

P.C.

Не говори, что нагота грешна.
Когда малыш раздетый босоного
бежит к воде, он так похож на Бога.
Так, если моет голыши волна,

то наготой природной не стыдит
за то, что их бока теплы, покаты,
не осуждает гладкие, пока ты
выносишь им безжалостный вердикт.

Не думай, что развратна нагота.
Темно в миру от глупых предрассудков.
Тела пестрят обилием рисунков,
как письменами - древняя плита.

Вот саламандры вьются по бедру,
сползают по предплечью черепашки...
Им тесен тканый мир ночной рубашки,
прилипшей к телу рано поутру!

Не говори, что нагота от зла.
По меркам божества - совсем недавно
Господь стоял в потоках Иордана
нагим, и загорелые тела

в Раю не прикрывали до поры
родители греха, Адам и Ева.
Ты сцепишь зубы, вне себя от гнева,
когда нарушив правила игры,

открою миру, что тебя страшит,
что заставляет вспыхивать в гордыне:
нагая красота моя отныне
другому, не тебе принадлежит.

РАСХОДИМСЯ

P.C.

Расходимся. И снова дождь в окно
стучит и гневно требует расплаты
за день один, в который нет возврата,
за лето позабытое одно.

Всё то, что скряга-память запасла,
всё то, что фотография ловила,
смывает беспощадная лавина,
ей имя - легион, ей нет числа.

В запрудах дома вздыбился паркет,
стал рыбьей шелухой. Глухой и шалый,
седой Бетховен наполняет залы,
и заливает музыкой проспект.

Раскрыли рты, чтоб вымолвить «прости»,
но захлебнулись люки у обочин,
ковчег карниза тем лишь озабочен,
как парочки промокшие спасти.

Шлёт голубя в грозу он наугад
и ждёт вестей, но нет в дали туманной
клочка земли святой, обетованной.
Мы - рай друг другу,
и друг другу - ад.

Помани меня именем, самым тайным из данных мне.
Остальные забыты, и не по моей вине...

Позвучней, те, которые, сбыви - грошик за два мешка,
а поблекшие выцвели, были пущены с молотка.

Иже с ними. С нежнейшими. Ибо все они - ширпотреб.

Ослабевшие прутики поржавевших, старинных скреп
еле держат у самого края, торчат дугой.

Только дунь, рассыпается ветошь, летит к другой...

Помани меня именем (если любишь и не гордец),
тем давнишним и детским, которым прозвал отец
кучерявую бестию, демонёнка и егозу
с перебитой коленкой и полоской беды в глазу.

Ненаглядных и милых так много, а я - одна.

Ты же знаешь, Адам, как рождаются имена
для звезды и для музыки, для семи семицветных нот,
ты же помнишь, как в горле течёт первобытный мёд,

как в гортани першит первозданный солёный ком,
а на нёбе - горошина солнца над языком.

Ты же помнишь, что воздух — «Авир», а вода — «Маим»?

Помани меня моим именем! Первым моим! Моим
самым тихим и тайным, где найдётся любви приют,
а не тем громогласным, которое воспоют
после смерти моей, воскрешая мою строку!

Я на то, на посмертное, и откликнуться не смогу...

Тем, что в святцах, меня называют и ты, и он.

Только выдохнешь горькое, в дом потянется легион
непорочных, святых, светлых праведниц и блудниц -
душно станет от тел на постели, пестро от лиц!

Вспомни, вспомни его, пусть звучит, как лесной манок,
женихов других отгоняет, как злой чеснок,
и тогда оживу и отвечу, и буду я
тихо ночью шептать, задыхаясь: «Твоя! Твоя!»

Помани, а иначе я - невозможная темнота.

И бесплотная, довселенская, чёрная пустота.

И пролившийся, упомянутый всеу, бесцельный звук
в безответность вотру, словно масло в ладони рук.

Помани меня именем... Тем, которым других не звал.

Ты увидишь, как тихо светлеет ночной провал,
как на кухне стою... Зажигаю во мгле плиту...

А на прочие я не отвечу и не приду.
для смерти!

ПОБЕГ

Светлая память Наташки

Обрывая забвению крепкие сети,
ежедневно душа убегает от смерти
по горящим мостам, по обугленным сваям...
Мы тоскуем и душу друзьям изливаем,
и она, подчиняясь печали, покорно
то ли птицей летит, то ли песней сквозь горло,
или селится в клавиш при лёгком нажиме,
если в нежную музыку душу вложили.
Погляди: из воды выбегают на сушу
наши дети, которым мы отдали душу,
и на нас они так бесконечно похожи.
Ну и что же, что тело не вечно, и что же...

СНЕЖИНКА

Танцуй мне, снежинка, пока ты не стала водой,
пока ты ещё не упала на чью-то ладонь,
покуда тебя не настигла весенняя слякоть.
Лети, не спеши, и в пространстве черти вензеля,
а если тебе не знакома чужая земля,
пускай тебя примет сугроб в белоснежную мякоть.

Не стоит грустить, и заранее думать о том,
чьим будешь ты поймана мокрым, блестящим зонтом,
какому с налёта в лицо угодишь имяреку,
покуда есть силы над миром усталым кружить,
в неведомом вихре, пока есть возможность прошить
стежками короткими смерти случайной прореху.

Нас много! Нас больше, чем тьмы непроглядной, лети,
хотя мокрый снег в городах не у многих в чести,
(с лопатами дворники хмурые снова сновали), -
я верю, что ты незаметное, но божество,
и маленький, тайный, далёкий привет от Того,
кто сам о себе не способен поведать словами.

**ЖЕНЩИНА,
КОТОРОЙ НЕТ ВОЗВРАТА**

“А ты гумал, я тоже такая...”

А . Ахматова

Есть женщины — они не жгут мосты.
К ним возвратиться можно виновато,
не подарив обещанной звезды.
Но есть и та, которой нет возврата

из прошлого, где столько не сбылось,
что даже вспоминать об этом — мука.
Вы с ней так много лет прожили врозь,
на волосок от слова, света, звука,

что стёрлась позолота завитка,
и ломкий локон стал седей седого.
Она манит тебя издалека,
но смотрит вглубь себя. Так смотрят вдовы

в разверстый под ногами, свежий ров.
Иных терять — не велика утрата.
Но как ты проживёшь без вечеров
с той женщиной, которой нет возврата?

Единственное слово дотемна
Поэта ждёт, и Бога ждут веками,
и кажется: на то вся жизнь дана,
чтоб шелестеть её черновиками,

смотреть на фотографии тайком,
на ностальгию воскрешая моду,
бежать по руслам рек, и босиком
входить легко в одну и ту же воду,

опережать бегущих впереди
знакомок, улыбаясь горьковато...
Но не отыщешь на земле пути
к той женщине, которой нет возврата.

РУКАМИ БОГА

Руками Бога, всё руками Бога:
мыть, гладить, убирать, стелить кровать,
растить в саду подсолнухи Ван-Гога,
а после исступлённо рисовать.

Руками Бога, всё Его руками:
От колоса в земле - до колеса,
а месяца коса идёт на камень -
находит камень и твоя коса.

Руками Бога, всё - руками Бога:
наотмашь лупят, яблони трясут,
дописывают строки некролога,
вершат над миром самый страшный суд,

руками Бога лечим и калечим,
не разобрал, что свято, что грешно,
терзаем струны, обнажаем плечи,
руками Бога всё возможно, но

когда нам кем-то срок земной скостится,
и пара дней останется в горсти,
как хочется своей перекреститься,
чтобы прощенье свыше обрести.